

с. 2-3 Журнальные отголоски *

Мас?
не?

Успех?

... по поводу странного этого факта, характеризующего наше невеселое в... факта, которого многие из нас вынужденно молчаливыми свидетелями... «Степь» г. Антона Чехова принадлежит к литературным явлениям, интересным, невольно вызывающим в некоторых размышления. К сожалению какой-то «служливый друг», бывающий как известно, «опасным врагом», испустил среди литературных людей слух, что готовящееся к выходу в свет произведение г. Чехова сдѣлается событием в русской литературѣ. «Степь» вышла предшествуемая и сопровождаемая этим не весьма удачным отзывом, и это обстоятельство глубоко вредит и автору и его произведению, в котором уже и требованія предъявляются как къ событію. Въ действительности это первое крупное произведение чрезвычайно талантливого, без сомнѣнія писателя — есть вмѣстѣ съ тѣмъ произведение писателя начинающего, не сумевшего соразмѣрить силу своего таланта съ задачею, предстоявшею ему, не сложившему еще формы для выразительности своей идеи, при несомнѣнной расцветке многих отдѣльных частей.

Все это ясно будетъ изъ приговоров, которые мы приведемъ. Описанія природы, степи, по мѣстамъ такъ удивительно хороши, что глазъ не хочется оторвать отъ встающей передъ вами въ воображеніи картины. Такихъ картинъ множество и мы приведемъ не лучшую, а какъ первая попалась подъ руку.

«...Холмы (передъ ѣхавшей бричкой) вѣще тонули въ лиловой дали, — шест авторъ, — и не было видно ихъ кончиковъ, мелькалъ бурьянъ, булыжникъ, поносился сжатый полосу, и все тѣ же трава да коршунъ, солидно взмахивающій крыльями, летали надъ степью. Воздухъ больше застывалъ отъ зноя и тѣмъ покорная природа цѣпенѣла въ молчаніи»

* Чеховъ Плещееву (31 марта 88г.) „Тысяча сегодня Аристархова в „Русскихъ ведомостяхъ“. Какое ланкетство передъ и мѣстами и какое обоготочи-стискоидическое барометрическое, когда дело касается нашихъ русскихъ! (...) Ланкетство „Степь“ уронила со, по разбѣ или сугубилъ б зрѣнь, когда дружили кричалъ: „Галанг! галанг!“

Ни вѣтра, ни добраго, свѣжаго звука, ни облачка. Но вотъ, наконецъ, когда солнце стало спускаться къ западу, стѣны, пыль и воздухъ не выдержали гнета и, истощивши терпѣнiе, измучившись, попытались сбросить съ себя иго. Изъ-за холмовъ неожиданно показалось пепельно-сѣдое, кудрявое облако. Оно переглянулось со стѣною, — я, молъ, готово, — и нахмурилось. Вдругъ въ стоящемъ воздухѣ что-то порвалось, сильно рвануль вѣтеръ и съ шумомъ, со свистомъ закружился по степи. Тотчасъ же трава и прошлогоднiй бурьянъ подняли ропотъ, на дорогѣ спирально закружилась пыль, побѣжала по степи и, увлекая за собою солому, стрелы и перья, чернымъ, вертящимся столбомъ поднялась къ небу и затуманила солнце. По стѣни, вдоль и поперекъ, спотыкаясь и прыгая, побѣжали перевалы-поле... и т. д.

Какую реальную жизнь вѣдетъ отъ этого описанiя степи, обнимающаго далѣе, ниже выписаннаго нами, все новые и новые предметы и явленiя стѣнной картины. Нельзя, однако, сказать, чтобы авторъ, обладающiй такими мощными ресурсами въ описанiи природы, ужъ всегда и безусловно оставался на той почвѣ, которая есть единственная, спасающая отъ неправды и отъ анти-поэтичности, — на почвѣ простоты, отсутствiя всякой вычурности. «Когда Егерунка проснулся, — рассказываетъ, напр., нашъ авторъ, — уже восходило солнце: курганъ заслонялъ его собою, а оно, стараясь брызнуть (?) свѣтомъ на мiръ (?), напряженно (?) паяло (?) свои лучи во всѣ стороны и заливало горизонтъ золотомъ». Это изображенiе солнца, старавшагося брызнуть свѣтомъ и напряженно паявшего для этого свои лучи, едва ли слишкомъ удачно. И нужно бы автору поостеречься отъ подобныхъ фальшивыхъ, притомъ даже и не эффектныхъ красокъ. Правда, у современныхъ французскихъ натуралистовъ темная ночь выходитъ иной разъ подобною самымъ чернымъ чер-

ниламъ (Золя), но едва ли подобные приемы и сравненiя, лишеныя всякой простоты и естественности, заслуживаютъ подражанiя.

Во всякомъ случаѣ г. Чеховъ является мастеромъ въ описанiяхъ природы. Въ своихъ маленькихъ рассказахъ онъ нерѣдко поражалъ также умѣньемъ нѣсколькими штрихами схватить и внѣшнюю, и нравственную физиономiю человѣка. Но въ послѣднемъ большомъ произведенiи своемъ, въ «Степи», гдѣ огромная толпа лицъ проходитъ передъ читателемъ, самое это свойство таланта автора не выручаетъ его. Только-что читатель останавливается на одномъ лицѣ и начинаетъ вглядываться въ него, какъ оно быстро удаляется, и новыя лица приходятъ — чтобы мелькнуть и пропасть, ничего не оставивши читателю отъ себя. Такъ, одно изъ главнѣйшихъ дѣйствующихъ лицъ, дающихъ направление и движенiе дѣйствию, богатый купецъ Варламовъ, только и является, чтобы проѣхать мимо читателя на лошади — и больше ничего. Многiя фигуры прямо тенденциозны. Такъ, еврей Соломонъ, будто бы сожегшiй нѣсколько тысячъ своихъ денегъ во имя идеала, во имя исканiя правды, — или мнѣ, или уродь изъ рѣдчайшихъ; первое вѣрнѣе, — сочиненность ясна уже изъ того, что въ самомъ рассказѣ этотъ идеальнiй герой смотритъ деревяннымъ манекеномъ, на который повѣшены мысли автора. Сочиненностью ярко отзывается и счастливый, только-что женившiйся мужикъ, привязавшiйся къ обозчицамъ ни съ того ни съ сего съ повѣствованiемъ о своемъ необыкновенномъ счасти. А между тѣмъ наиболѣе близкиа читателю дѣйствующiя лица, каковы отецъ Христофоръ и Иванъ Ивановичъ Кузьмичовъ, очерчены едва-едва, хотя и остаются передъ вами на всемъ протяженiи рассказа. Эта несоразмѣрность въ изображенiи лицъ, конечно, не достоинство.

Могутъ сказать, что авторъ предлагаетъ простыя путевыя впечатлѣнiя, отъ кото-

неф.ин.ин.

... историю; | тельную массу слушателей, хотя зала бы-

рыхъ и требовать нечего: что видѣлось, то и записалось, неполное и полное, смотря по обстоятельствамъ. Но нѣтъ, авторъ имѣлъ въ виду написать «исторію поѣздки», у него есть герой, Егорушка, связующій собою весь длинный путь по степи; онъ ѣдетъ въ губернский городъ учиться. Таки это такъ, требуется своего рода прагматическій элементъ, безъ котораго всякая «исторія» лишается смысла. Въ данномъ случаѣ естественно ожидать, что исторія поѣздки Егорушки будетъ исторіею его нравственной, умственной жизни среди новыхъ впечатлѣній; иначе, зачѣмъ бы и быть Егорушкѣ вѣчно передъ глазами читателя? Но самый поверхностный взглядъ открываетъ, что въ огромномъ большинствѣ случаевъ Егорушка служитъ только внѣшнюю связью событий. То авторъ описываетъ свои представленія о степи и людяхъ въ ней, ежеминутно толкуя и о Егорушкѣ, но не сообщая читателю ея впечатлѣній; то вдругъ начинается описаніе впечатлѣній Егорушки, но... дѣло въ томъ, что авторъ заставляетъ своего Егорушку видѣть въ подобныхъ случаяхъ то, чего именно не видятъ малолѣтки его возраста, испытывать то, чего они никогда не испытываютъ. Вотъ напр., что говоритъ авторъ:

«Когда долго, не отрывая глазъ, смотришь на глубокое небо, то почему-то мысль и душа сливаются въ сознаніе одиночества. Начинаешь чувствовать себя неоправимо одинокимъ, и все то, что считалъ раньше близкимъ и роднымъ, становится безконечно далекимъ и неизъяснимымъ цѣны. Звѣзды, глядящія съ неба уже тысячи лѣтъ, само непонятное небо и мгла, равнодушныя къ короткой жизни человѣка, когда остаешься съ ними съ глазу на глазъ и стараешься постигнуть ихъ смыслъ, гнетутъ душу своимъ молчаніемъ, приходитъ на мысль то одиночество, которое ждетъ cadaго изъ насъ въ могилѣ, и сущность жизни представляется отчаянной, ужасной»...

Конечно, это не дѣтскія мысли и чув-

ства, не впечатлѣнія ребенка, еще, разумѣется, не старающагося «постигнуть смыслъ неба и мглы» и пока еще никакъ не представляющаго «сущность жизни». Это могъ чувствовать *теперь* авторъ, и взрослые, хотя и не всѣ опять-таки, могутъ понимать его. Между тѣмъ въ разсказѣ Егорушка отдается цѣлкомъ во власть столь мрачной философіи, «воображаетъ мертвыми мамашу, о. Христофора, графиню Драницкую и пр.» Въ силу вотъ подобныхъ смѣшеній Егорушки съ лицами не его возраста и не его положенія, онъ выходитъ блѣднымъ и туманнымъ пятномъ, расплывающимся въ несвойственныхъ ему сферахъ мысли и чувствъ. Но онъ связь всего,—и вотъ все «исторія» поѣздки рассыпается поэтому на отдѣльные куски, изъ которыхъ многіе, какъ выше выяснено, не додѣланы, другіе построены въ одномъ направленіи мысли (т. е. мысли автора), третьи въ направленіи мысли Егорушки, притомъ нерѣдко неудачно, и т. д. Такимъ образомъ, при всемъ признаніи за авторомъ изъ ряду вонъ выходящаго таланта, было бы грѣшно умолчать о недостаткахъ его перваго большого произведенія, являющихся результатомъ его неопытности, а быть можетъ и нѣкоторой непродуманности въ отношеніи къ довольно сложному по существу, хотя по внѣшности и кажущемуся простымъ сюжету, какова «исторія» поѣздки въ тѣхъ условіяхъ, въ какихъ взялъ ее авторъ. Во всякомъ случаѣ и въ этомъ новомъ своемъ произведеніи талантливый авторъ является одною изъ свѣтлыхъ надеждъ русской литературы, которая, Богъ дастъ, не окажется тщетною, какъ многія другія.

Статей серьезныхъ мы находимъ въ *Сѣверномъ Вѣстникѣ* въ сущности только одну, да и ту не оконченную. Мы говоримъ о статьѣ г. В. В.,—«Возвышеніе сельско-хозяйственной культуры и община». Авторъ, завоевавшій себѣ громкое имя въ русской экономической литературѣ, съ свойственной ему глубиной и

Аристархов.

< Арс. И. Введенскій >